

Глава четвертая: Горячий парень в гневе хватается за палку, холодный юноша под благодеянием меняет настроение

—

— По итогам расследования дела о земельном споре по адресу семьдесят второй двор в Чэньтане, поскольку представленные истцом доказательства, купчие на дом и землю, оказались поддельными, мой вердикт следующий: дом переходит в собственность Тан Юйшу, а Линь Лан — тебе лучше вернуться в Цзиньлин!

Линь Лан совершенно растерялся:

— Господин, рассудите! Эти купчие на белой бумаге, как они могут быть поддельными?

Уездный магистрат, сидящий в зале, сохранял таинственную улыбку, словно насмехаясь над Линь Ланом, и не отвечал.

Эта необъяснимая реакция привела Линь Лана в ярость. Он выругался:

— Ты, старый дурак! Где справедливость?!

Пока он бушевал, сзади внезапно раздался знакомый голос:

— Дерзкий сопляк! Как ты смеешь орать в зале суда!

В голове, занятой гневом, быстро возникло изумление. Линь Лан обернулся и, как и ожидал, увидел знакомую фигуру:

— Отец?

Господин Линь стоял там против света, его лицо было омрачено зловещим выражением:

— Ты не только осмеливаешься противиться приказу отца, но и пререкаешься здесь с господином магистратом! Я отпилю тебе собачьи ноги! — Сказав это, он крикнул людям: — Схватить его! Если я сегодня не проучу этого нерадивого сына, я перестану носить фамилию Линь!

Как только слова господина Линя упали, в зал суда внезапно ворвалось более десяти палачей. Некоторые точили пилы, другие несли колодки, третьи схватили Линь Лана. В два счета они окружили и обездвигили Линь Лана, заковав его руки и шею в колодки. Линь Лан не мог высвободиться, как ни пытался.

Затем Линь Лан почувствовал, как его правая штанина закатилась выше колена. К голени прикоснулся ледяной холод, и по всему залу разнёсся пронзительный звук пилы: «жж-жж-жж-жж...»

— Нет—!

Линь Лан резко сел на кровати. Увидев свою правую ногу, целую и невредимую, торчащую из-под одеяла, он понял, что это был всего лишь кошмар.

Однако пронзительный звук «жж-жж-жж-жж...» не исчез вместе с окончанием сна.

Линь Лан, протирая сонные глаза, сердито встал, резко распахнул дверь флигеля и крикнул на

Тан Юйшу, который пилил дерево во дворе:

— Ты слишком шумишь!

Тан Юйшу вздрогнул от внезапного крика Линь Лана и небрежно поздоровался:

— Тебе лучше от простуды?

— Не твоё дело! Перестань пилить, это невыносимо!

— Но мне нужно работать, — Тан Юйшу не знал, что делать.

— Мне всё равно!

— Но это мой дом... Я могу делать всё, что захочу, верно? — Тан Юйшу не мог удовлетворить неразумное требование Линь Лана.

— Это мой дом! Мой! — Посмотрим, что ты, мошенник, будешь делать через два месяца, когда выяснится правда! — Слова «мой дом» довели утреннюю злость Линь Лана до предела.

— ...Я не мошенник.

— Ты не мошенник? Даже не знаю, не стыдно ли твоей семье за тебя!

Тут Тан Юйшу разозлился. Он быстро схватил сбоку палку и замахнулся ею на Линь Лана.

Линь Лан, на самом деле, струсил и понял, что его сегодняшняя агрессия зашла слишком далеко, но он не мог потерять лицо, поэтому стоял, не желая увернуться. Когда палка оказалась всего в трёх дюймах от него, Линь Лан от испуга закрыл глаза и втянул шею, готовясь принять гневный удар Тан Юйшу.

Он ждал, затаив дыхание, но удар всё не приходил.

Линь Лан открыл глаза и встретился с гневным взглядом Тан Юйшу, который стоял совсем близко. Лицо того покраснелось от ярости, брови были сведены, а в глазах кипел гнев, которого Линь Лан раньше не видел.

Через мгновение учащённое дыхание Тан Юйшу постепенно успокоилось.

Линь Лан в итоге не удержался на ногах и отшатнулся.

— Я соблюдаю правила, мне нельзя бить мирных жителей, и я не буду уподобляться тебе. Я пошёл на работу! — Сказав это, Тан Юйшу небрежно бросил палку в сторону, вернулся на свою «территорию», осторожно завернул в ткань то, что он пилил и не успел закончить, и вышел из дома.

Двор снова наполнился тишиной после ухода Тан Юйшу.

Линь Лан глубоко зевнул и собрался вернуться в комнату, чтобы подремать, но вдруг заинтересовался тем, что пилил Тан Юйшу. Он подошёл, развернул аккуратно завернутый в ткань свёрток и обнаружил внутри кусок дерева шириной с ладонь.

— Что это такое... — Линь Лан долго рассматривал, но не смог прийти к выводу и просто положил всё на место.

Зайдя в туалет по нужде, и вернувшись во флигель, чтобы забраться под одеяло, Линь Лан вдруг осознал:

— Откуда у меня одеяло?

Тут в его голове начали всплывать смутные воспоминания о прошлой ночи.

Вернувшись вчера после покупки мелочей, его простуда обострилась. Он горел, но не имел сил, поэтому рано лёг. Он смутно помнил, что в конце часа Юй (17:00 – 19:00) в полусне услышал стук Тан Юйшу в дверь. Он собирался подняться и открыть дверь этому надоедливому человеку, но в тот момент, когда он встал, вся его сила, казалось, иссякла. Он упал на землю и погрузился в бесконечную темноту.

Смутно он слышал неприятный чужой акцент Тан Юйшу:

— Проснись, почему ты такой горячий?

Последняя крупница воли к жизни заставила Линь Лана забыть о своей неприязни к Тан Юйшу. В полубессознательном состоянии он крепко схватился за спасительную соломинку:

— Спаси меня, я ещё не нажился...

Затем Тан Юйшу поднял его и выбежал. Он слышал сильное дыхание из его груди, чувствовал его испарину, но не мог проснуться.

Линь Лан вытянул руки и ноги, которые постепенно восстанавливали силы в мягком одеяле, и вдруг осознал, что только что, кажется, поступил неправильно.

Он то спал, то просыпался, пока не наступил вечер. Наконец, Линь Лан выполз из одеяла.

Хотя жар спал, тело всё ещё было слабым, вероятно, из-за того, что он долго не ел. Он оставался в постели не только потому, что ему нечего было делать, но и потому, что не хотел выходить и сталкиваться со всем, что касалось Чэньтаня.

Но в животе урчало от голода, казалось, что внутренности сжались в комок, и ему пришлось одеться и выйти из дома.

— Десять монет! — Как только он вышел, его остановила Полная тётушка, протягивая руку.

— Чего? — Линь Лан не понял.

— Десять монет. Ты мне должен.

— Как я оказался тебе должен?

Полная тётушка скрестила руки и закатила глаза:

— Ты простудился, потому что не укрывался одеялом. Вчера ночью брат Юйшу стучал во все двери, ища для тебя одеяло. У меня было лишнее, вот я и дала тебе одно — не смей отказываться от долга!

Линь Лан нахмурился, но не нашёл слов. Он достал из поясного кошелька десять монет, отдал их Полной тётушке и повернулся, чтобы уйти.

Пройдя всего несколько шагов, он услышал, как его окликает дядя Ван из лапшичной:

— Молодой господин Линь, иди поешь лапши!

У Линь Лана не было ни настроения, ни сил искать другую еду, и он подошёл к прилавку. За самым дальним столом сидел грязный маленький попрошайка.

Линь Лан почувствовал отвращение, зажал нос и обошёл к другому концу, жалуясь дяде Вану:

— Как ты принимаешь кого попало?

Едва Линь Лан закончил говорить, как маленький попрошайка поднял голову, обнажив под чёлкой тёмные глаза, и посмотрел на Линь Лана.

— Все мы несчастные люди, поможем, чем можем, — сказал дядя Ван и первым делом подал миску с чёрным лекарством. — Пришло время — сначала выпей лекарство, потом ешь лапшу.

— Что это за лекарство? — Линь Лан нахмурился.

— Ты заболел вчера, это прописал лекарь. Юйшу сказал, что в доме нет посуды, и я вызвался сварить его для тебя. Лекарь велел пить в час Юй. Время почти пришло, я как раз собирался тебе отнести, а ты сам пришёл.

На душе у Линь Лана потеплело. Он вдруг почувствовал, что ни Полная тётушка, которая так благоволила к Тан Юйшу, ни этот старый вдовец-лапшичник уже не кажутся такими противными; это место, может быть, и обшарпанное, но люди здесь, на самом деле, очень добрые. Размышляя, он выпил горячее лекарство:

— Спасибо, дядя Ван...

После лекарства ему стало намного лучше.

Вскоре подали лапшу. Дядя Ван заботливо сказал:

— Я добавил побольше имбиря, чтобы согреться. Такой молодой, один вдали от дома, некому присмотреть... Разве можно не знать, что нужно укрываться одеялом в такую погоду?

Линь Лан нахмурился:

— Не могу купить! В этом проклятом Чэньтане даже нет магазина, где продают одеяла.

— Упрямец! А Юйшу тебе нашёл же? — Дядя Ван засмеялся. — Вижу, ты благородный господин, который никогда сам не занимался бытом. Почему ты не наслаждаешься жизнью дома, а сбежал?

Линь Лан проглотил горячую лапшу и коротко объяснил:

— Хочу заняться торговлей, а отец не позволяет, заставляет меня учиться, чтобы получить чин... Несколько дней назад мы сильно поругались, и я сбежал.

— Если не можешь остаться в Цзиньлине, поезжай в другое место? Сучжоу, Янчжоу, где угодно лучше для торговли, чем в Чэньтане.

— Ты думаешь, я хотел сюда приехать? — недовольно ответил Линь Лан. — Разве дед не

оставил мне здесь дом? Я собирался продать его, использовать как капитал для бизнеса, а его занял какой-то мошенник!

— Не говори так о Юйшу, решение ещё не вынесено... — Дядя Ван знал, что Линь Лан и Тан Юйшу не ладят, и быстро сменил тему. — Каким бизнесом ты хочешь заняться?

— Ещё не решил.

— Не решил? ...Дядя Ван тебе скажет: что бы ты ни планировал, дело должно быть тебе по душе. Если сам не знаешь, что тебе нравится, как можно добиться успеха?

— Зануда... — Линь Лан, которого дядя Ван задел за живое, огрызнулся. — Тебе, хозяину лапшичной, меня учить? Я по Шелковому пути ходил!

Хоть он и огрызнулся, но в душе понимал, что дядя Ван указал на его больное место.

Как раз когда прошло время ужина, с работы вернулся Тан Юйшу.

Он увидел Линь Лана, который сидел за прилавком и жадно ел. Тан Юйшу подошёл прямо к нему, заказал у дяди Вана порцию простой лапши и сел за тот же стол, что и Линь Лан:

— То, что было сегодня утром, это я не...

— Ты не можешь здесь есть лапшу! — подсознательно оттолкнул его Линь Лан.

— ...Но у дяди Вана дёшево и вкусно, — Тан Юйшу растерялся.

— Тогда ты не можешь есть за этим столом!

Тан Юйшу счёл Линь Лана неразумным и, не желая ссориться, встал и пересел за другой пустой стол. Увидев почти полную миску лапши, оставленную Линь Ланом, он поддразнил дядю Вана:

— Впервые вижу, чтобы кто-то не доел лапшу, которую сделал дядя Ван.

Дядя Ван обрадовался похвале и засмеялся:

— Недавно пришёл маленький попрошайка, я приготовил ему лапши. Может, ему не по вкусу...

— Попрошайка ещё и привередлив? — засмеялся Тан Юйшу.

Наевшись досыта, Линь Лан встал, сказал «расчёт» и полез в свой кошелёк.

Дядя Ван ждал, но вдруг увидел, что лицо Линь Лана побледнело, а зрачки сузились:

— Мой... кошелёк?

— Не волнуйся, это всего лишь кошелёк... — Дядя Ван пытался его успокоить.

— Там сто лян... — почти проревел Линь Лан.

Слова «сто лян» внезапно заставили весь шумный рынок у Усадьбы Бога Богатства замолчать.

Через мгновение послышался удар по столу.

Тан Юйшу встал:

— Где тот маленький попрошайка?

—

<http://bllate.org/book/12583/1118360>